

Нин Си сидел на корточках на земле, уткнувшись лицом в колени.

Воздух вокруг пропитался чужими, резкими запахами. Эссенция чужих феромонов жгла и царапала, будто тысячи раскалённых игл впивались под кожу, заставляя дышать этой отравой.

То ли из-за того, что пришлось проучить отбитых малолеток, выложившись по полной, то ли по иной причине, но приступ оказался сокрушительным. Нин Си казалось, будто внутри вспыхнул пожар. Сердце колотилось в бешеном ритме, дыхание сбилось, и в глазах темнело от нехватки кислорода.

Сверясь с геопозицией Нин Си на экране, Сун Ицзэ рванул с места прямо от библиотеки.

Сердце сжалось от дурного предчувствия: взглянув на карту, он застыл от шока.

Жилой комплекс Синьсин.

Заброшенный долгострой, излюбленное пристанище местной шпаны и мелких хулиганов.

Судя по голосу Нин Си в телефоне, тот столкнулся с отбросами, замышлявшими недоброе. Нин Си — Омега, да ещё и в разгаре уязвимого периода дифференциации. Если хотя бы один Альфа решит подавить его чужим феромоном, последствия будут катастрофическими.

Сун Ицзэ нёсся не чуя ног, не останавливаясь ни на секунду.

Синьсин представлял собой запутанный лабиринт из полуразрушенных проулков, глухих тупиков и заброшенных коробок. Пробираясь сквозь этот хаос, Сун Ицзэ отчаянно вглядывался в темноту.

И тут до него донёсся запах. Феромоны Нин Си. Насыщенные, исступлённые, совершенно непохожие на привычный тонкий аромат — они вырывались наружу диким, выплеснувшимся через край потоком. В этой волне чётко угадывались его чувства: глухая боль, мука и полная беспомощность.

Сжав зубы, Сун Ицзэ устремился на этот шлейф.

Заметив сжавшуюся в комок фигурку, он на мгновение забыл, как дышать.

— Нин Си? — тихо окликнул он.

Тот медленно поднял голову.

Глаза покраснели, лицо побледнело до синевы, бескровные губы дрожали, а в уголках глаз застыли слёзы, которые он упрямо удерживал.

Разглядев Сун Ицзэ, Нин Си силой заставил себя улыбнуться:

— Пришёл всё-таки...

Сун Ицзэ подскочил к нему и опустился на одно колено:

— Ты как? Ранения есть? Дай я посмотрю...

Он осторожно развёл прижатые к груди руки Нин Си. На предплечье темнел огромный синяк, а вчерашняя ссадина содралась снова — вдоль руки тянулась алая струйка свежей крови.

Жуткое зрелище.

— Они тебя избили? — голос Сун Ицзэ дрогнул.

Нин Си попытался отшутиться:

— Да ну, ты чего... Сам оступился, с кем не бывает...

— Перестань притворяться! — Сун Ицзэ не выдержал, переходя на повышенный тон. — Тебе совсем боль незнакома? Разделался до полусмерти и упрямисься! Ты хоть понимаешь, куда забрался? Знаешь, сколько Омег пострадало в этих подворотнях?!

Голова Нин Си раскалывалась. Он бессильно подался вперёд и уткнулся лбом в плечо Сун Ицзэ, тихо пробормотав:

— Чего ты такой злой...

Поняв, что сорвался, Сун Ицзэ окинул взглядом его израненное тело и покрытый испариной лоб.

— Извини, я просто...

— Знаю, — слабо перебил Нин Си. — Ты за меня перепугался.

Сун Ицзэ смягчился, в его голосе появились заискивающие, убаюкивающие интонации:

— Тут же кругом отбросы. Почему ты мне сразу не набрал?

Дикая боль и накатившая слабость окончательно лишили Нин Си сил.

Подчиняясь лишь подсознательному порыву, он ещё ближе прижался к Сун Ицзэ, уткнувшись носом в его шею и жадно впитывая чужой феромон.

Знакомый аромат.

Глубокий, терпкий, умиротворяющий.

Мучительные вспышки в теле словно немного утихли, уступив место долгожданному чувству защищённости.

Сознание Нин Си затуманилось, он едва разбирал собственное бессвязное шептание:

— Так больно...

Сун Ицзэ подхватил обмякшее, потерявшее сознание тело и тихим, баюкающим шепотом произнёс:

— Всё хорошо. Теперь я рядом.

Нин Си снился сон.

Ему грезился маленький белый котёнок, невероятно похожий на Цзюбая.

Семья у котёнка была большая, а сам он рос озорным и непослушным, постоянно требовал внимания родителей.

Взрослые твердили ему: надо ценить чужой труд, быть послушным, уметь молчать и не мешать, ведь время мимолётно, а жизнь коротка.

Но глупый малыш ничего не понимал.

Ему просто хотелось, чтобы рядом кто-то был.

А потом родители ушли.

Котёнок остался один-одинёшенек. Он больше не смел никого беспокоить, не смел даже взглянуть в сторону чужого тепла.

Тогда он завел себе друга — кролика.

Но кролик не мог остаться навсегда. И он тоже ушёл очень быстро.

Котёнок устроил для него маленькие похороны.

Прошло много лет, но одиночество никуда не исчезло.

В какой-то момент малыш осознал, что до смерти боится гибели.

И всё же он надеялся, что когда-нибудь найдёт того, кто останется рядом.

Ему хотелось жить тихо и спокойно. Без крови. Без слёз.

Сон изменился: котёнок стоял под проливным дождём в глухой ночи. Никто не держал над ним зонта, никто даже не взглянул в его сторону.

Он повернул голову и увидел рядом холодный труп — раздавленное колёсами тело, залитое кровью.

Это была его мама.

Внезапно со всех сторон хлынули чудовищные, удушливые запахи. Тысячи, десятки тысяч зловонных миазм обступили котёнка со всех сторон, въедались в плоть, терзали и разрывали на части.

Малышу было невыразимо страшно.

И всё же он изо всех сил старался казаться храбрым.

И в этот самый миг сквозь тьму пробился луч света.

А вслед за ним пришёл восхитительный аромат.

Чистый, прохладный уд, окутанный едва уловимыми нотами горького апельсина, отозвался невероятной нежностью.

Котёнок не видел, откуда исходит этот свет, но инстинктивно шагнул вперёд.

Он протянул лапку, пытаясь ухватиться за спасительное тепло.

Боялся, что оно исчезнет.

Подхватив Нин Си на руки, Сун Ицзэ помчался в больницу.

Влетев в здание, он даже не стал оформлять пропуск в регистратуре и бросился сразу к кабинету матери.

Госпожа Юй Цзиньюэ чуть не подпрыгнула на месте, увидав сына с обессиленным Омегой на руках. Она мгновенно проводила их в палату и поставила Нин Си капельницу с ингибитором.

Сун Ицзэ сгорал от чувства вины. Глядя на лежащего на койке, бледного как полотно парня, он ощущал тяжёлый липкий осадок на душе.

Юй Цзиньюэ тоже была вне себя от гнева. Отозвав сына в коридор, она строго спросила:

— Это ещё что такое?

Сун Ицзэ стиснул зубы.

— У Сяо Нина началась дифференциация, а ты даже не привёл его на обязательный учёт! — отчитала его мать.

Сун Ицзэ замер.

Дифференциация? Вот почему его феромоны были настолько неуправляемыми.

Ему же было невыносимо больно!

— Поздняя дифференциация у семнадцатилетнего Омеги и без того сопряжена с рисками, а ты допустил, чтобы он получил травмы! — Юй Цзиньюэ сдвинула брови, её голос звучал предельно честно и сурово. — Что ты за паршивый кавалер такой?

Сун Ицзэ не стал оправдываться — виня себя во всём.

Вчера, когда тот Альфа врезался в Нин Си, состояние парня уже вызывало опасения.

Следовало сразу взять его в клинику, обработать раны! Сделай он так, врачи незамедлительно выявили бы скорое начало дифференциации.

И Нин Си не пришлось бы проходить через этот ад.

Почему Нин Си так перепугался, увидав того Альфу? Они знакомы?

Нельзя было вот так просто отпускать того типа.

А жилой комплекс Синьсин? Омега в период дифференциации среди своры уличных Альф... Насколько же мучительно подвергаться давлению чужих, враждебных феромонов?

Почему он не набрал Нин Си раньше?

Позвони он вовремя, сам заехал бы за ним или хотя бы подсказал дорогу, не дав очутиться в жилом комплексе Синьсин.

Как же паршиво...

Сун Ицзэ опустил взгляд, признавая вину:

— Прости...

Юй Цзиньюэ вздохнула:

— Толков-то от твоих «прости»! У Сяо Нина уровень омега-гормонов дошёл до критической отметки. Если всё пройдёт гладко, к ночи процесс завершится полностью. Хочешь загладить вину — будь рядом и не отходи от него.

Сун Ицзэ сжирало раскаяние. Он не знал, как объясниться с матерью, не представлял, как теперь смотреть в глаза Нин Си.

— У вас отличная совместимость феромонов. Если ему станет совсем худо, согрей его своим запахом, успокой, — добавила Юй Цзинъюэ. — И убери ты с лица эту каменную мину! Будь повнимательнее и помягче. Мы же договаривались: не надо вести себя как Альфа-подонок.

—...Я понял.

Юй Цзинъюэ похлопала сына по плечу:

— Ладно, вижу, тебе и самому тошно. Иди к Сяо Нину.

Сун Ицзэ переступил порог палаты и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Юй Цзинъюэ выделила Нин Си отдельную палату.

В холодном свете лампы его красивое, утончённое лицо казалось совсем бескровным. Густые ресницы бросали тень на синеватые круги под глазами, а сам он выглядел хрупким и болезненно худым.

Сун Ицзэ сел у кровати, не сводя с него глаз.

Нин Си, судя по всему, мучил кошмар: брови застыли в болезненной изломанной линии. Он слегка повернулся на бок, свернувшись калачиком; чёлка рассыпалась по белоснежной простыне.

Заметив крупный холодный пот на его лбу, Сун Ицзэ взял салфетку и осторожно прикоснулся к коже.

Он каплю за каплей стирал влагу.

Как вдруг Нин Си дёрнулся — и прикоснулся губами к его запястью.

От этого мягкого, невесомого касания у Сун Ицзэ прервалось дыхание. Но парень и не думал останавливаться: словно ласкающийся котёнок, он уткнулся носом в чужую руку, ища тепла.

Сун Ицзэ опешил. Взгляд невольно соскользнул на открывшуюся белоснежную шею и воротник, под которым пряталась феромонная железа.

Подчиняясь инстинкту, Нин Си тянулся к Сун Ицзэ, жадно впитывая благоухание уда и горького апельсина.

Из-за сбившейся одежды обнажилась полоса фарфорово-белой кожи. Зато выражение его лица сгладилось, мука в чертах постепенно угасала.

Внутренний самоконтроль Сун Ицзэ дал трещину.

В палате они были совершенно одни.

Плотные шторы надёжно защищали от палящего солнца, а кондиционер дарил приятную прохладу.

Сун Ицзэ подался вперёд и мягко прикоснулся ладонью к щеке Нин Си.

Тёплая ладонь и исходящий от неё шлейф уда и горького апельсина успокаивали, принося долгожданное облегчение.

Сун Ицзэ позволил своему аромату мягко окутать палату, баюкая парня и прогоняя остатки боли.

Нин Си подставил лицо под его ладонь, с благодарностью впитывая спасительное тепло и благоухание.

Залом между бровями разгладился, дыхание стало ровным и спокойным.

Сун Ицзэ облегчённо перевёл дыхание.

Он не удержался и бережно провёл подушечкой пальца по линии его надбровной дуги.

Теперь ему наверняка приснится добрый сон.

<http://bllate.org/book/20373/2208508>